

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Нина Кислицына

Единственный

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Единственный / Н. Кислицына — «Автор», 2026

«Он влюблён в тебя. Это видно за километр», — говорит Слава, удаляет её номер и уходит. Через два месяца Лия встречает в супермаркете подругу Миру. Та знакомит её со своим женихом. Жених — Слава. Мира счастлива, кольцо надето, дата названа; вечером они приезжают к Лие вдвоём. И Лия звонит Аркаше — другу с детства, тому самому, к которому её ревновал Слава, тому, кто любит её с выпускного и знает про неё всё. Он предлагает сыграть пару. Для Миры и Славы, на несколько недель, чтобы подруга перестала её жалеть. Игра затянется на годы. Рассказать правду придётся всем: подруге, матери, собственным детям — и каждому по-своему.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Единственный

Глава 1

Лия выключила плиту в двадцать три минуты десятого. Паста в кастрюле распарилась, соус у края подсох корочкой. Она накрыла кастрюлю крышкой, а тарелку поставила в микроволновку — там остынет медленнее.

В восемь Слава написал: «Закрытие, задержусь». В половине девятого: «Ещё минут двадцать, прости». Она не злилась — у них закрытие месяца, и он весь день на телефоне с поставщиками. Она съела свою порцию одна, под сериал, потом ещё полсерии, потом начала разделять бельё на стирку.

Он пришёл в девять, принёс пирог с вишней из пекарни у метро — мокрый бумажный пакет, ещё тёплый. Поцеловал её в висок, от него пахло дождём и чужим табаком, будто стоял под козырьком с курящими. В прихожей натёк ручей от ботинок. Он ушёл в душ, вернулся в футболке, сел есть, сказал, что паста хорошая.

Телефон лежал между ними, лицом вверх. Он завибрировал один раз, потом второй. «Кран в ванной больше не капает?» — а через минуту: «У тебя розетка у стола искрит, я видел. В субботу привезу новую, поменяю».

Лия потянулась ответить, но Слава положил вилку.

— Он и в субботу к тебе приедет.

— Он и в прошлую субботу приезжал, — сказала Лия. — Ты в это время спал в спальне.

— Я помню, где я спал.

Вода в его стакане дрогнула от того, как он поставил его на стол. Лия видела эту дрожь, видела, как он смотрит в телефон — не на экран, мимо, будто там ещё что-то дописано.

— Скажи, что тебе не нравится, — попросила она. — Только словами.

— Мне не нравится, что ты смеёшься ему в трубку тем смехом, каким не смеёшься со мной.

— Он был у меня на выпускном, Слав. Он знает мою мать. Он у меня в телефоне дольше, чем мы знакомы.

— Вот именно, — сказал он. И это «вот именно» легло на стол тяжелее пирога.

Он начал перечислять — спокойно, без крика, и от этого было хуже. Как она набирает Аркашу первой, когда что-то ломается. Как говорит «Аркаш» с той мягкой гласной на конце. Как в прошлом месяце уехала к нему чинить багажник и вернулась в одиннадцать, весёлая, с чужой курткой на плечах, потому что замёрзла, а он отдал свою. Лия слушала и понимала, что всё это правда, каждое слово правда, и ни одно из них не значит того, что он в него вкладывает.

— Я не прошу тебя его вычеркивать, — сказал Слава. — Я прошу перестать делать вид, что ты не понимаешь, чего он от тебя хочет.

— Он ничего от меня не хочет.

— Он влюблён в тебя. Это видно за километр.

Лия отодвинула тарелку. Есть больше не хотелось.

— За километр видно тебе. Мы полгода вместе, а ты каждую неделю находишь у меня кого-то. Сначала Игорь с работы. Потом мой тренер. Теперь Аркаша.

— Потому что я не слепой.

— Потому что ты не веришь мне, — сказала она. — Вот и вся разница. Я не хочу больше это доказывать, у меня не осталось на это сил.

— У меня тоже.

Он встал. Пирог остался лежать в пакете на краю стола, пакет расплзся от сырости и прилип к скатерти. Слава поднял телефон, повернул экран к себе и открыл контакты. Она

видела сверху вниз, как он нашёл её имя — «Лия» с маленькой скобкой, там стояло что-то, какое-то слово, она не разглядела, — потом ткнул в «Избранное», потом в «Удалить». Экран мигнул и погас.

— Что ты делаешь?

— Удаляю.

Он убрал её номер и в блокировку. Пальцы у него были ровные, спокойные, как у человека, который гасит компьютер на работе, прежде чем поставить сумку на плечо. Он надел ботинки, ещё сырые, не развязав шнурков, взял куртку с крючка. Лия стояла в дверях кухни и держала полотенце, мокрое, холодное, вытерла им уже сухие руки.

— Слава.

Он не оглянулся. Дверь он закрыл не хлопнув — придержал, чтобы не разбудить соседей, та привычка, которую она в нём любила.

Лифт уехал вниз. Во дворе хлопнула ещё одна дверь — машина. Лия набрала его номер через минуту. Сброс пошёл сразу, на первом же гудке. Она набрала ещё раз, потом ещё; та же тишина, только теперь она стала липкой и длинной, как в трубке, из которой вынули всё живое.

На столе остывали две тарелки, соус схватился плотным рубцом. Лия взяла пакет с пирогом, развернула, отломала кусок и съела стоя, у раковины, не чувствуя вкуса. Вишня попалась с косточкой.

Через два месяца выпал снег. Лия шла из офиса пешком, потому что автобус не пришёл, и по дороге зашла в супермаркет у метро — не за продуктами, за кофе и лампочками, у неё в ванной перегорела одна ещё в четверг. Полы там натёрли, и кафель блестел жирно, как на картинке в рекламе. Пахло сырым картоном от коробок, которые выставили к выходу.

У молочного её окликнули:

— Лия? Лия, ты что ли?

Она обернулась. Мира стояла у холодильника с йогуртами, в пуховике нараспашку и вязаной шапке с помпоном, и лицо у неё было точно такое же, как в институте, — круглое, румяное, с этой её привычкой поднимать брови выше, чем нужно. Обнялись, уронив корзинку.

— Я тебе писала в марте, — сказала Мира, отряхивая с рукава снег. — Ты не ответила. Потом я перестала писать, чтоб не навязываться.

— Закрутилась.

— Ты всегда говоришь «закрутилась». У тебя что-то случилось.

Это был не вопрос. Лия покрутила в руках лампочку в картонной упаковке, посмотрела, как она мнёт пальцы.

— Рассталась. Давно. Уже прошло.

— С кем? Ты мне про него даже не рассказывала.

— Есть и о чём не рассказывать не стала лезть — у неё было своё, и оно шло из неё светом, как пар из чашки. Она схватила Лию за локоть и развернула лицом к себе:

— Стой. У меня тоже новости. Я в апреле познакомилась. У меня, Лилёк, жених.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Он сейчас подъедет, он меня забирает с работы. Мы не ужинали, он хочет в какое-то место, где жарят рыбу на гриле, а я рыбу не люблю, но я согласна на всё.

— Я так рада, — сказала Лия, и это было правдой.

— Сейчас. Вот прямо сейчас. Он будет через семь минут. Не убегай, я хочу, чтобы вы познакомились, мне нужно, чтобы он понравился кому-то, кроме меня.

Лия сослалась на усталость, на автобус, на кофе, который ждал дома. Мира держала её за рукав и тараторила про подругу, которую потеряла на два года и не собирается терять снова. С этим проще было согласиться.

Слава вошёл в зал боком, с телефоном в руке, отряхивая шапку. Серая куртка, шарф, который она ему выбирала. Он поднял голову и нашёл их взглядом сразу — это у него всегда

получалось, — и Лия увидела, как его шаг на мгновение сбился, как на мокром кафеле. Потом он пошёл дальше ровно.

— Вот! — Мира поднялась на носки и повисла у него на шее. — Слава, это Лия. Мы с ней вместе учились, она моя самая-самая.

— Очень приятно, — сказал он и протянул руку.

Лия пожалала её. Ладонь была сухая, тёплая, она узнала бы её в темноте. Он смотрел мимо её лица, чуть выше брови, как смотрят на человека, с которым прощаются на два вежливых слова, и ничем не выдал, что видит её третий раз без шапки и второй раз со ссадиной от его же ногтя на запястье.

— Взаимно, — сказала она.

— А вы из Белоруссии? — спросил он. — У вас «я» мягкая.

— Из Смоленска, — ответила Лия. — Это близко.

Мира смеялась над чем-то в телефоне и ничего не заметила. Слава забрал у неё корзинку, потом взял и у Лии, понёс обе к кассе, расплатился за её кофе и лампочки, не спросив, — Мира махнула рукой, мол, он у меня такой. Мира надела шапку, а он поправил ей волосы под шапкой, пригладил, будто она была маленькая, и поцеловал в висок, коротко, привычно, там же, где два месяца назад целовал Лию, — она поймала себя на этой мысли и укусила щёку изнутри.

На выходе Мира обернулась:

— Лилёк, а дай адрес. Я заеду сегодня, выпьем, давно не сидели. Мы со Славой, можно? Ему всё равно к семи на созвон, а потом он свободен.

Лия продиктовала адрес. Потом стояла у кассы с чеком в руках и смотрела, как они выходят: Мира впереди, размахивая пакетом, Слава за ней, и рука у него лежит у неё на спине, между лопатками. Автоматическая дверь выпустила их и закрылась, отрезав шум улицы.

Кассирша сказала: «Девушка, вы мешаете». Лия отошла, села на скамейку у входа, натянула шапку на уши и подождала, пока пройдёт то, что поднималось откуда-то из-под рёбер. Потом вспомнила, что не купила кофе.

Дома Лия первым делом вкрутила лампочку. Свет в ванной ударил белым, резанул по глазам, и она пожалела, что не взяла тёплую, на сорок ватт.

Потом заметалась по квартире. Убрала со стола бумаги, вынесла в прихожую пакет с мусором, протёрла подоконник, на котором ничего не лежало. Бросила в шкаф футболку, оставшуюся от Славы, — серую, с растянутым воротом, она стирала её раз двадцать и всё равно не решалась выкинуть. Поймала себя на этом, вернула футболку на полку и разозлилась.

Позвонить Мира и отменить было можно. Она даже набрала половину номера, потом представила, как это звучит: «Извини, у меня разболелась голова, давай в другой раз». Мира бы приехала с аспирином.

Они пришли в девять. Мира влетела первой, с коробкой торта и бутылкой вина под мышкой, в одной руке торт, в другой пакет, шапка уже снята и сунута в карман.

— Боже, я тут была, — сказала она, оглядываясь. — Ты не переставляла шкаф. Я помню, как мы его с тобой волокли.

Слава вошёл следом. Ботинки снял и поставил у левой стенки, там, где ставил всегда, носком к плинтусу. Повесил куртку на второй крючок. Прошёл в коридор, нашёл на кухне штопор — во втором ящике, под полотенцами, — открыл вино, налил три бокала, один отдал Лие, не глядя ей в лицо.

— Ты знал, где штопор, — сказала Мира.

— Логично, он тут лежит.

Она рассмеялась и не заметила, что спрашивала про другое.

За столом Мира рассказывала про апрель. Как они познакомились на корпоративе, где Слава пришёл к её коллеге по делу и весь вечер простоял у колонки, потому что там было не так шумно. Как он первый раз позвонил через неделю, и она специально сказала «алло»

сонным голосом, чтобы он догадался, что она спала. Как он не умеет рассказывать о себе и за три месяца она вытянула из него только то, что он не любит рыбу, не любит громкие компании и хранит билеты из кино в конверте.

Лия знала про билеты. Про рыбу тоже.

— И вот, — Мира вытянула руку над столом. На четвёртом пальце сидело кольцо, тонкое, с одним камнем. — Мы решили жениться. В марте. Я не хотела тебе в магазине говорить, там кассирша слушала. Ты рада?

Лия сказала, что рада. Она сказала это вслух, и голос не сорвался, и даже получилось улыбнуться — она почувствовала, как по лицу прошла тёплая волна, будто от чая. Потом взяла бокал и выпила половину сразу.

Слава в это время подставил Мире тарелку, чтобы не крошила мимо, и вытер салфеткой пятно от вина, которое она оставила на скатерти. Всё это спокойно, буднично, как человек, у которого давно заведён порядок с этой женщиной.

— А у тебя как? — спросила Мира. — Ты так и не сказала, с кем ты рассталась.

— Да ерунда. Несерьёзно было.

— Много вы встречались?

— Полгода.

— И почему?

Лия посмотрела на своё вино. В бокале плавала мошка, прилипла к стеклу изнутри. Слава смотрел в телефон, экран был тёмный.

— Не сошлись характерами, — сказала Лия. — Он был ревнивый.

— Ой, это ужасно, — Мира вздохнула. — Мой вообще не ревнивый. Ни капли. Я ему говорю: я с Игнатом на выставку иду, он говорит «хорошо». Вот бы так всем.

— Тебе повезло, — сказала Лия.

— У тебя кто-нибудь есть сейчас?

— Нет.

Мира округлила глаза, завела обычную свою песню про то, что Лия закрылась и всех отталкивает, и что она лично найдёт ей кого-то к весне, да хоть из своего же отдела, там есть Миша, он немного скучный, но с машиной. Часы на микроволновке показывали десять.

Слава поднялся:

— Мир, нам пора, тебе завтра в восемь.

— Ещё пять минут.

— Три.

Он поставил бокалы в раковину и ополоснул их, прежде чем Лия успела сказать, что не надо. Пока Мира искала шапку в кармане пуховика, Лия вышла в прихожую, и он оказался там же, рядом с вешалкой, в полуметре, и пахло от него тем же, чем всегда, — своим, родным, чужим теперь запахом.

— Я ей ничего не говорил, — сказал он тихо, глядя на своё отражение в зеркале. — И ты не говори. Ей это не нужно.

— Я знаю, что ей нужно.

— Вот и хорошо.

Из комнаты выскочила Мира, нацепила шапку, обняла Лию крепко, до хруста в её же ключицах, и пообещала звонить каждый день. Дверь закрылась. Лифт проехал вниз, и во дворе хлопнула дверца машины.

Лия постояла в прихожей. Ботинок у левой стенки не было. Она дошла до стола, посмотрела на торт, на три бокала — один недопитый. Потом нашла телефон и набрала Аркашу.

— Аркаш. Ты можешь приехать? Прямо сейчас.

— Я в кроссе, — сказал он. — Двадцать минут, если не буду переодеваться.

— Не переодевайся.

Аркаша приехал через восемнадцать минут, в мокрых кроссовках и спортивном костюме, поверх которого была накинута куртка нараспашку. От него валил пар. Снег он стряхнул ещё на лестнице, но то, что налипло на плечи, в прихожей растаяло и натекло под вешалкой.

— Ну, — сказал он, стягивая кроссовки.

Лия пошла на кухню, и он за ней, и первым делом, по привычке, глянул на розетку у стола.

— Она всё ещё искрит, — сказал он, присев на корточки. — Я тебе в субботу новую привезу. Ты вообще выключаешь её, когда уходишь?

— Я по делу позвала.

— А я по делу спрашиваю, чтоб квартира не сгорела.

Он выпрямился, увидел стол: торт, три бокала, бутылка, из которой выпили на треть. Потом посмотрел на Лию и сел на табуретку напротив, поставив локти на скатерть.

Лия рассказала всё, как было, с самого магазина. Про то, как Мира позвала её у холодильника, как знакомила, как Слава сказал «Очень приятно» и не подал вида. Про кольцо, про март, про штопор во втором ящике и ботинки у левой стенки. Про то, что при них она выпила два бокала и улыбалась.

Когда она закончила, Аркаша молчал. Он взял её бокал, отнёс к раковине, потом сложил салфетки, потом вернулся и сел.

— Тот Слава, — уточнил он. — Тот самый, из-за которого у вас всё и развалилось.

— Тот самый.

— И он сделал вид, что видит тебя впервые.

— Да.

— Тогда он знает, чего стоит, — сказал Аркаша. — Это уже хорошо.

— Аркаш, ты не понимаешь. Она его любит. Она мне в машине ещё до этого говорила по телефону... Она про рыбу знает, что он не любит. Она знает, какие у него билеты в конверте. Я сидела и слушала, как она рассказывает мне моего же человека.

— И ты ничего не сказала.

— А что я должна была сказать? «Мира, привет, я с твоим женихом полгода жила, он меня удалил из телефона и ушёл?» Она в марте замуж выходит.

Аркаша смотрел на неё внимательно, как на чертёж, в котором ищут ошибку.

— Ты сейчас одного не видишь, — сказал он. — Если ты скажешь, Мира первым делом пойдёт к нему. Он там что-нибудь из себя выдавит, и всё обернут так, что ты — бывшая, которой тяжело, что она смотрит и не может смотреть. Ты будешь стоять перед ними и оправдываться, зачем ты вообще открыла рот.

— Мне всё равно, как это будет выглядеть.

— Врёшь. Тебе не всё равно, иначе ты бы уже сказала.

Лия отпила из своего бокала, потом поставила его и сняла с торта крышку — просто чтобы чем-то занять руки.

— Я не могу так, — сказала она. — Я приеду к ней, а она мне будет про свадьбу рассказывать. Она мне у же звонит каждый день, она мне уже сегодня звонила дважды. Я не смогу. И она не заслуживает.

— Мира — не заслуживает. Про Миру мы потом подумаем.

— Ты так говоришь, как будто у нас операция.

— Операция и есть. — Он помолчал. — Не говори ей.

Лия подняла на него глаза. Он сидел прямо, руки на коленях, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Почему?

— Потому что тогда он к тебе вернётся.

— Что?

— Не так. — Он потёр ладонью колено, будто там болело. — Сейчас всё просто. Ты её подруга, он её жених, дороги не пересекаются. А если ты расскажешь, он придёт к тебе объясняться. Он к тебе придёт, я тебя знаю, он будет спрашивать, зачем ты сказала именно так, а не иначе, и ты будешь стоять и разбирать своё: а точно ли я сказала честно, а не от боли. И это будет месяц, два, полгода, и всё это время ты будешь думать о нём.

— А сейчас я не думаю, что ли.

— Сейчас ты думаешь. Но у тебя хотя бы есть право его ненавидеть.

Он встал, подошёл к окну, дёрнул створку, чтоб проверить, и она даже услышала, как он это делает — как всегда, раз и накрепко.

— Я не могу тебе объяснить нормально, — сказал он в стекло. — Я лучше скажу как есть, а ты меня потом выгонишь.

— Скажи.

— Я прошу не из-за Миры. И не из-за него.

Аркаша обернулся. У него было лицо человека, который уже перешёл реку и стоит на том берегу и говорить теперь придётся всё равно.

— Я тебя люблю. С седьмого класса.

За стеной у соседей работал телевизор. Слышно было, как в трубе шумит вода.

— Я не хочу, чтоб ты врала Море, — сказал он. — Я хочу, чтоб ты врала ему. И чтоб я в этом врал с тобой. Потому что другого повода стоять рядом я не придумал.

Лия сидела с ножом в руке. Отрезала два куска торта, положила один ему, другой себе, и только потом поняла, что делает, — просто руки нашли, за что взяться.

— Ты не шутишь, — сказала она.

Я в кроссовках, на улице минус восемь, — сказал Аркаша. — Шутил бы, я бы приехал в кроссовках? Я бы написал.

— Давно?

— С седьмого класса.

— Это полжизни.

— Больше, — сказал он. — Я так, если честно, к этому уже привык. Это как рука в гипсе, болит только когда вспомнишь.

Он взял вилку и съел свой кусок. Лия смотрела, как он ест торт и говорит про двадцать лет молчания тем же тоном, каким спрашивал про розетку, и не могла найти, за что зацепиться, чтобы вернуться на прежнюю землю.

— Ты приходил. Ты мне кран менял, ты мне шкаф собирал, ты на мой день рождения в прошлом году привёз мне... что ты привёз?

— Гриль.

— Гриль, — повторила Лия. — Это и есть?

— Это и есть. Я тебе не стихи ношу, ты их не любишь.

Она отложила нож. Ей хотелось встать и пойти куда-нибудь, но квартира была одна, и идти было некуда.

— Я не знаю, что сказать.

— И не надо. Я не спрашивал и ответа не жду. Я просто тебе сказал, чтобы ты понимала, чего я тебе предлагаю.

— А что ты предлагаешь?

Аркаша поставил вилку поперёк тарелки.

— Чтобы я у неё был не «друг Лии», а тот, с кем Лия живёт. Тогда она перестанет тебя лечить. Не будет больше «у тебя никого, ты закрылась, я тебе найду Мишу из отдела». Не будет смотреть на тебя, как на больную.

— А будет смотреть на нас.

— Пусть смотрит. Мы будем хорошо выглядеть.

— Ты это уже продумал.

— Пять минут, — сказал он честно.

Лия засмеялась, коротко и непонятно для себя самой, и зажала рот ладонью.

— Это враньё, Аркаш. Ты понимаешь? Это враньё ей в лицо. Она моя подруга, и она счастлива, и я приду к ней со своим... со спектаклем.

— Ты не пришла бы туда одна, — сказал он. — Ты бы сейчас сидела здесь и считала часы до пятницы. Или поехала бы и просидела вечер, глядя, как он держит её за руку. Я тебя знаю, ты бы поехала и потом три дня ела снотворное.

— Откуда ты знаешь про снотворное?

— Мне твоя мама говорила.

Лия закрыла глаза. За стеклом кто-то из соседей протащил по снегу что-то тяжёлое, скрипело долго, до самого конца двора.

— Если мы это начнём, — сказала она, — то что? Мы будем ей врать до марта? До свадьбы?

— До свадьбы и после. Пока не надоест.

— И ты будешь мне звонить и говорить, куда мы когда идём, как в календаре.

— Я и так тебе звоню.

— И целовать меня при ней? — Лия открыла глаза. — Ты будешь?

Аркаша помолчал ровно столько, чтобы она поняла, что он взвешивает не ответ, а честность ответа.

— Нет. Не буду. Руки, плечо, «моя Лия», куртку подам, из-за стола встану — это я могу. Целовать не буду. Если захочешь — скажешь.

— Не захочу.

— Вот и договорились.

Он встал и пошёл в прихожую, нашёл носки под ботинками, стал натягивать мокрые кроссовки. Она вышла за ним, прислонилась к косяку.

— И ещё, — сказала она. — Когда тебе расхочется — скажи сразу. Не терпи.

— Это ты мне говоришь?

— Это я себе говорю.

Он зашнуровал второй кроссовок, выпрямился, снял с вешалки свою куртку. Потом, уже в дверях, взял пакет с мусором, который Лия так и не вынесла, и до кучи прихватил его с собой, будто ничего другого в этом не было.

— В субботу привезу розетку, — сказал он. — И, слушай. Всё-таки помой эту бутылку. Не оставляй на столе его посуду.

Дверь закрылась. Лия постояла, потом собрала со стола бокалы — три — и вылила вино в раковину. Телефон в комнате тренькнул один раз, второй: Мира, два сообщения подряд.

«Лилёк, в пятницу ужин. Приезжай часам к семи. Мы ходим в то место с рыбой, я тебе покажу, что Слава не так страшен»

И второе, через минуту, смайлик, а за ним:

«Приходи одна, ладно? Хочу тебя расспросить, ты мне нужна без ушей»

Лия смотрела на экран долго. Потом написала:

«Приду не одна»

И убрала телефон в карман.

В пятницу Аркаша заехал за ней в шесть. Вышел из машины, открыл ей дверцу и, пока она пристёгивалась, сказал:

— Если спросят, сколько мы вместе, — полгода. Если спросят, как, — я тебе шкаф собирал, ты мне наливала чай. С подробностями не лезь.

— Полгода — это же как раз тогда...

— Именно. Ты тогда как раз с ним рассталась и ходила серая. Хороший срок, никто не удивится.

Лия посмотрела на него сбоку. Он выглядел непривычно: чёрная рубашка, побрит, и волосы не мокрые.

— Ты побрился.

— Я всегда бреюсь, когда не бегаю.

— Ты никогда не ходил со мной в ресторан.

— Я и не знал, что ты ходишь, — сказал он и завёл двигатель.

В «Кильку» они вошли в семь минут восьмого. Пахло дымом и лимоном; открытая кухня тянулась вдоль стены, за стеклом на решётках лежали рыбины, и огонь из-под них вырывался и опадал. Мира сидела лицом ко входу, махала так, будто находилась на другом берегу реки, рядом на стуле висел её пуховик.

Слава встал, когда они подошли, — и остановился на полпути. Он смотрел на Аркашу секунды две, не больше, ровно столько, чтобы никто, кроме Лии, не успел заметить; потом сказал «Здравствуйте», а Мира уже тараторила:

— Так, знакомьтесь. Это Аркаша, Лиин друг, ну то есть я думала, что друг, а Лия вон чего учудила, ни слова мне! Я так рада, я всегда говорила, что она себя закупорила.

— Мы давно знакомы, — сказал Аркаша и сел, отодвинув Лие стул прежде, чем она успела сама.

— Очень приятно, — сказал Слава. Второе «очень приятно» за неделю, тем же ровным голосом, и Лия почувствовала, как у неё холодеет ладонь.

Официант принёс меню. Слава не любил рыбу — она это знала, — и, когда Мира предложила взять ему стейк, он кивнул и заказал себе воду без газа, а из еды сказал, что подумает.

— Мы сюда таскаемся раз в месяц, — сообщила Мира. — Славка первый раз чуть не умер, тут весь воздух рыбой пропитан.

— Ты говорила, — ответил он.

Разговор пошёл ровно, как едет машина по хорошей дороге: Мира просила у Аркаши рассказать, чем он занимается, и он рассказал — вентиляция, наладка, склады, ничего интересного, но про один объект, где пришлось вести воздуховод через жилой дом на восьмом этаже, Мира слушала с открытым ртом.

— Золотые руки, — сказала она Лие. — У меня на даче кран, течёт третий год, Славка не хочет возиться.

— Славка возиться может, — сказал Слава. — Славке некогда.

— А вы где познакомились? — спросила Мира. — Ну, так, не по-детски.

— У меня дома, — сказал Аркаша. — Я ей шкаф собирал, она мне чай наливала. Так и собрал, что не ушёл.

Под столом он накрыл ладонью руку Лии — спокойно, будто так и полагалось, третий месяц подряд. Лия вздрогнула и руку не убрала. Ладонь была тёплая, шершавая, в мелких шишках от инструмента.

Слава смотрел на эти два стула рядом и молчал. Потом заказал воду и выпил всю.

— А ты чем занимаешься? — спросил он Лию, будто впервые.

— Работаю.

— В проектном?

— В офисном.

— Она у нас в логистике, — вставила Мира, — как ты, между прочим.

— Была, — сказала Лия.

Мира удивилась:

— А куда ушла?

— Никуда. Встаю утром и иду.

За соседним столом засмеялись. Мира подняла бокал и сказала тост за знакомство, за то, что у неё наконец все вместе, и за март. Чокнулись. Слава, коснувшись её бокала, посмотрел Лие чуть выше брови — туда, где было её лицо, только по касательной.

Потом Мира ушла звонить — её мать не брала трубку третий раз за вечер. Аркаша пошёл покурить к выходу, а Лия осталась за столом с недоеденной рыбой.

Слава поставил стакан.

— Она не ест после десяти, — сказал он тихо, будто продолжая разговор, которого не было. — Я помню.

— Ешь свою воду.

— Зачем ты его притащила?

— Мы вместе, — сказала Лия и услышала, как голос не дрогнул.

Слава усмехнулся, коротко, одним углом рта.

— Ты спишь с ним?

Лия отодвинула тарелку. Мира шла от окна обратно, что-то договаривая в трубку и улыбаясь им обоим — и Лие, и Славе — как своим.

— А ты? — спросила Лия.

Мира вернулась к столу, и Слава больше ничего не сказал. Допила чай, спросила, поедут ли они на выходные к её матери на дачу — там надо перекрыть крышу, Славка не умеет, а Аркаша умеет. Аркаша сказал, что посмотрит. Расстались у выхода из ресторана, Мира обняла Лию и поцеловала в щёку, и никто ни разу ни на кого не посмотрел лишний раз.

В субботу Аркаша привёз розетку. Поменял её за двадцать минут, заодно подтянул ножку у стола, потом сел и допил свой чай. Лия сидела напротив и слушала, как за стеной у соседей ругается телевизор, и впервые за два месяца у неё ничего не саднило под рёбрами. Он уехал в девять, потому что утром у него был объект.

Так это и пошло. Мира звонила каждый день, придумывала, куда их позвать. Они ездили к ней, сидели с ней в кафе, один раз поехали в кино вчетвером, и в темноте Аркашина рука лежала на её руке всё так же спокойно, как на столе. Слава при этом был вежлив, приносил Мире воду и подавал куртку, а на Лию смотрел на полсекунды дольше, чем на всех остальных. Она это чувствовала кожей на затылке.

В среду вечером телефон показал пропущенный с номера, который два месяца отвечал сбросом. Лия смотрела на цифры, пока экран не погас сам, и ничего не сделала.

Он ждал её у выхода с работы в четверг. Машина стояла в кармане у тротуара, с включёнными фарами, из трубы шёл пар. Шёл мокрый снег, за шиворот текло, тротуары на открытых местах обледенели.

— Садись, холодная, — сказал он через приоткрытое окно.

— Я дойду.

Он заглушил двигатель и вышел. Пошёл рядом с ней, не спрашивая разрешения, в своей серой куртке и расстёгнутый, и она видела, как у него мокнут плечи.

— Ты специально тут стоишь, — сказала Лия. — Мимо твоего офиса я не хожу.

— Я не с работы. Я от тебя.

— Странно. Тебе до меня двадцать минут, а ты приехал на машине.

— Я не ходил к тебе. Я стоял под домом.

Они прошли мимо аптеки, мимо киоска с шаурмой, от которого пахло горелым маслом. Лия не сбавляла шаг. Он не отставал.

— Я тебя разблокировал, — сказал он.

— Видела.

— Я думал, ты позвонишь.

— Зачем?

— Ты два месяца звонила, — сказал Слава. — Я знаю, что звонила. По четыре раза за вечер. У меня в блокировке всё видно.

Лия остановилась так резко, что он сделал ещё шаг и вернулся назад.

— Ты сейчас чем хвастаешься?

— Я не хвастаюсь. Я говорю, что знаю.

Мимо проехала машина, облила их из-под колёс, но на них обоих уже было налипло столько, что хуже не стало.

— Скажи прямо, зачем ты приехал, — сказала Лия. — У меня руки мёрзнут.

— Ты врёшь ей.

— Я знаю.

— Ты сидишь с ней за одним столом и врёшь.

— Ты тоже.

Слава дёрнул шарф вниз, будто ему стало душно на улице при минус пяти.

— Я — другое дело.

— Хорошо, — сказала Лия. — Ты другое дело. Поезжай домой, там Мира, она сегодня варит бульон.

Он схватил её за руку — не грубо, выше запястья, за рукав и за кожу под ним, и Лия почувствовала через шерсть, как у него дрожат пальцы. Он сам, кажется, удивился этому больше, чем она.

— Ты втянула Аркашу, — сказал он. — Он тебя выручает, а ты этого, может, и не видишь. Много лет выручает. И то, что он сейчас с тобой под руку ходит, — он тоже не просто так.

— Он не просто так, — сказала Лия. — Ты прав.

Слава отпустил рукав.

— Что это значит?

— Это значит, что я тебе не объясняю.

Снег лёг ему на брови, таял и тёк в глаза. Он вытер лицо рукавом, как мальчик.

— Я ревную, — сказал он вдруг, просто, без захода. — Я тебе это говорю своими словами. Я ревную тебя к нему.

Лия посмотрела на него снизу вверх. У неё стучало в висках, и на языке были все слова сразу, и ни одно из них она не собиралась оставлять в этом снегу.

— А зачем? — сказала она. — Ревнуй свою Миру.

Она развернулась и пошла. Он не поехал за ней, не крикнул и не догнал; когда она уже спускалась в подземный переход, за спиной завёлся двигатель, и фары прошли по мокрому асфальту в обратную сторону.

В переходе играл на баяне человек с отмороженными руками. Лия шла и только у турникета поняла, что пальцы у неё не разгибаются.

Дома она растёрла руки под горячей водой, и они отошли, а потом ещё час не слушались: она не могла расстегнуть молнию на куртке. Аркаша позвонил сам, в половине одиннадцатого.

— Ты дома?

— Дома.

— Я тебя видел на камере у метро, ты шла как будто тебя несёт ветром. Я стоял на светофоре.

— Он поджидал меня у офиса, — сказала Лия. — Мы шли до перехода. Он разблокировал меня и говорит, что видел все мои звонки.

— Это он зря сказал.

— Он сказал, что ревнует.

На трубке стало тихо, только шумело у него на кухне — вытяжка.

— А ты?

— Я сказала ему: ревнуй свою Миру.

— Хорошо, — сказал Аркаша. — Только ты ещё что-то сказала, да?

Лия подошла к окну. Во дворе дворник скрёб лопатой, звук шёл по железу, длинный, как пила.

— Сказала, что ты не просто так, — призналась она. — Что он прав.

— Зачем?

— Потому что это правда. Я устала от того, что при мне все врут.

— Ну сказала и сказала, — отозвался он. — Ты мне просила врать Мире, не ему. Тут мы не договаривались.

Он положил трубку первым, пожелав ей спать, и это было так по-аркашиному, что Лия впервые за вечер усмехнулась.

В субботу Мира приехала одна. Славку отправили на совещание, а может, он сам себя отправил — Мира сказала об этом как-то мимо, задвигая бутылку в дверцу холодильника, чтоб холодная. На ней был свитер с оленями и та же шапка с помпоном, и она сразу забралась с ногами на диван.

— У меня к тебе два вопроса, — сказала она. — Первый: почему ты мне ничего не сказала? Второй: как он целуется?

— Никак, — сказала Лия.

— Это как?

— А вот так. Мы не целуемся.

Мира отставила бокал и уставилась на неё.

— Вы полгода вместе и не целуетесь?

— Он... — Лия взяла со стола орехи, которые принесла Мира, и стала их чистить, бросая скорлупу в чашку. — Он не любит это. Ему не нравится, когда лезут в лицо. Понимаешь, у него руки, ему проще что-то сделать, чем сказать. Он мне розетку поменял вместо стихов.

— Так нельзя, — сказала Мира уверенно. — Так нельзя, Лилёк. Мужик должен хотеть тебя так, чтоб ты потом ходила с одуревшим лицом. У тебя такого лица не бывает.

— Может, у меня лицо такое.

Мира засмеялась и выпила. Потом спросила про того, с кем Лия была до этого, и Лия сказала, что тот был не в её вкусе, и перевела на дачу, на крышу, на то, что в марте надо будет всем ехать в Завидово смотреть платёе.

Часов в десять Мира вдруг перестала смеяться и подтянула колени к подбородку.

— Слушай, — сказала она. — Только это между нами. Я хочу у тебя спросить как у подруги.

— Спрашивай.

— Как понять, что человек тебя правда любит?

Лия перестала чистить орехи.

— За три месяца до свадьбы у меня началось, — сказала Мира. — Он хороший. Он не пьёт, не врёт, он мне воду утром в постель приносит. И он меня любит, он говорит это, и я верю. Но иногда я лежу ночью и думаю: а что у него внутри? Я про него ничего не знаю, Лилёк. Совсем ничего. Он как комната, в которую меня пустили, а там шифоньер стоит посередине, и что за ним, никто не говорит.

— Может, ничего и нет за шифоньером.

— Есть, — сказала Мира. — Я один раз пробовала его погладить по голове. Ночью, он уже почти спал. Знаешь, вот так, вот здесь, — она показала на затылок. — А он руку мою взял и отвёл. Резко так. И сказал: не надо. Больше я не пробовала. И спросить боюсь.

Лия сидела с орехом в кулаке. Этот затылок она знала лучше своего; она знала, сколько нужно минут, чтобы он заснул под её пальцами: обычно шесть, иногда семь, если день был тяжёлый.

— Лилёк? Ты чего?

— Ничего, — сказала Лия. — Это ерунда. Он просто не любит, когда его гладят. Некоторые не любят.

Мира кивнула, повеселела, доела орехи, потом собралась, поцеловала Лию в щёку и уехала на такси.

Когда двор под окнами опустел, Лия достала из шкафа серую футболку, которую стирала двадцать раз, скатала её и вынесла в мусорный пакет в прихожей: тот самый, куда уже собирала бутылку из-под вина. Пакет она вынесла на площадку, поставила у стены и вернулась.

Неделя прошла тихо. Аркаша заехал в среду, привёз пельмени и лампочку на сорок ватт, чтоб в ванной не резало глаза, и они под сериал съели противень, и Лия уснула на диване, не дождавшись половины. Он не стал будить, накрыл её пледом, помыл противень, а утром написал: «Замок верхний у тебя вялый, я смазал». Она прочитала это в метро и весь день носила в себе, как тёплую монету в кармане.

В четверг позвонила Мира, кричала в трубку на весь автобус: платье пришло, в субботу едем в салон под Завидово, там примерка, там свет, там всё, — и чтобы Аркаша тоже приехал, потому что Славка опять на созвонах, а вешать сумки некому.

Салон стоял в бывшем пансионате, за сосновым лесом, в двух шагах от трассы. Внутри пахло лаком для волос и шерстью от ковров; белый подиум был повернут к трём зеркалам, и от него шло вниз шесть ступеней, как в бассейн. Продавщица, женщина с укладкой, будто её только что вынули из коробки, спросила, кого ждём, и Мира сказала — меня.

Она вышла минут через десять. Платье было простое, без кружев, на тонких лямках через плечо, и оно было ей слишком длинно, но Мира шла по ступеням так, будто всю жизнь только этим и занималась. Аркаша, стоявший у панорамного окна с четырьмя пакетами, присвистнул. Слава сидел в кресле и смотрел на неё, положив руку на колено.

— Ну? — сказала Мира. — Только честно.

— Тебе надо подшить, — сказала Лия. — И дышать перестань через рот, у тебя щёки красные.

— Я не могу, — Мира засмеялась и потрогала щёки ладонями. — Мне кажется, я всю вот эту штуку ждала с четырнадцати лет.

Продавщица вынесла шампанское в узких бокалах. Мира взяла два, один понесла Славе, второй — Лие, и пока несла, у неё дрожала рука, и это было заметно всем.

— Слушайте, — сказала она, остановившись посередине салона. — Мне нужно вам сказать одну вещь. Я думала сказать попозже, но не могу больше.

— Ну, — сказал Слава.

— Лилёк, будь у меня свидетельницей. Ну то есть не свидетельницей, свидетелем, у них это по-другому называется, но ты поняла. Мне больше некого просить. У меня двоюродная в Казани, а ты у меня одна.

Лия держала бокал и смотрела в её румяное лицо. В полуметре от них стоял Слава, и Лия видела, как он чуть повернул голову — раньше, чем успел себя остановить.

— Нет, — сказал он.

Мира обернулась:

— Почему?

— Потому что у неё своих дел хватает.

— У кого это у неё? У Лили? Она мне только что сказала, что в субботу свободна.

— Мир, — сказал он ровно, — ты её не в свой день рождения втягиваешь, ты её в свою свадьбу втягиваешь. Она не обязана.

— Я не обязана, — сказала Лия. — Я сама.

Она поставила бокал на подоконник, подошла к Мире и сказала, что согласна. Мира взвизгнула и обняла её, и запах у неё был тот же, что в институте, — пудра и жвачка. Платье на её плече пахло крахмалом.

Аркаша попросил у продавщицы воды, потому что шампанское было тёплое, и куда-то делся с пакетами. Продавщица позвала Миру в примерочную — подколоть подол. Слава встал и вышел в коридор. Там было пусто, только под потолком гудела лампа и у стены стоял стеллаж с туфлями. Лия пошла за своей курткой, которая осталась на вешалке у входа, и он оказался ровно на её дороге.

— Ты правда хочешь стоять там? — спросил он.

— Я хочу стоять там, где меня просят.

— Не ври. Ты хочешь, чтоб она это видела.

— Что именно?

— Как ты с ним. Как ты у неё на глазах живёшь правильную жизнь. Чтобы она тебя жалела меньше, чем ты себя.

Лия остановилась. В коридор выходила дверь примерочной, за ней шуршала ткань и бормотала продавщица: «заколоть, заколоть, ниточку».

— Я согласилась не для неё и не для тебя, — сказала Лия. — Я согласилась, потому что у неё, кроме меня, никого нет, и это её беда, а не моя вина. Я её не брошу.

— Я не буду жениться, — сказал он.

Лия подняла глаза. Он стоял близко, у самого стеллажа с туфлями, и лицо у него было как тогда, в кухне два месяца назад, перед тем как он открыл контакты.

— Что?

— Ты слышала.

— Ты ей сказал?

— Пока нет.

За дверью примерочной засмеялась Мира: что-то про то, что подол надо короче. Слава смотрел на Лию, и она смотрела на него, и в коридоре пахло лаком, шерстью и мокрой курткой, которая висела у них за спиной и медленно оттаивала.

— Не смей это делать через меня, — сказала Лия.

— Я и не через тебя. Я просто говорю тебе первой, чтобы ты не узнала от неё.

— Тогда ты говоришь неправильно. Если ты не собираешься жениться, скажи ей сегодня. Сейчас, как доедем. В машине.

— Сегодня она счастливая, — сказал он. — Ты видела, как она ходит?

— Да. И ты хочешь, чтобы она так ходила подольше?

Он промолчал. Из примерочной высунулась продавщица и позвала его посмотреть, как сядет подол. Он не двинулся. Лия сняла с вешалки куртку, и он взял её за рукав — не как в четверг, а мягко, двумя пальцами, будто ловил уходящее.

— Если ты не дашь ей этого сделать, я скажу сам, — проговорил он. — Мне нужно немного времени.

— Тебе не время нужно. Тебе нужно, чтобы я тебя остановила.

Она убрала его руку и пошла в зал.

Обратно ехали в аркашиной «Вольво». Мира сидела впереди, потому что её укачивало, и всю дорогу держала в руках телефон, куда сама себе пересылала фотографии платья. Из печки пахло пылью, у менялись сосны за окном на поля, на заправку, на плакат с человеком, у которого росли колосья из рукава.

— А вы чего притихли? — обернулась Мира. — Ты что, поцапалась со Славкой? Я видела, как вы стояли.

— Он говорит, что у меня дел полно в субботу.

— Так у тебя и есть дела. Ты теперь свидетельница, у тебя полный набор забот. Мы тебе ещё костюм подберём, вот увидишь, как тебе пойдёт.

Она нашла в сумке бутылку воды, отпила и протянула Лие. Лия взяла и всю её выпила.

Слава ехал сзади ниоткуда ни с кем, молча, и в зеркале она видела только его руки на коленях.

У своего дома Лия вышла, и Мира помахала ей через стекло, как в кино. Аркаша заглушил мотор, но не вышел. Она села к нему вперёд, и какое-то время они оба смотрели на двор: качели под фонарём, машины, засыпанные снегом, светящееся окно на третьем.

— Он сегодня сказал мне, что не женится, — проговорила Лия наконец. — Ещё Мира не знает.

Аркаша снял руки с руля и положил их на колени, как на лекции.

— Он сказал и оставил решать тебе, — сказал он. — Это старый приём. Ты ведь сейчас в этом сидишь и прикидываешь: рассказать Мире или подождать, пока он сам, или, может, уговорить его. И пока ты это прикидываешь, он у нас — страдающая сторона, а ты — та, кто держит её в неведении.

— Я не хочу держать её ни в чём.

— Хочешь, — сказал Аркаша без нажима. — Мы оба этого не хотим и оба этим живём.

— И что делать?

— Ничего. Ты не пойдёшь его уговаривать. Ты не пойдёшь к ней. Ты просто будешь тут.

— А если он не скажет?

— Тогда она узнает, что он не сказал, — Аркаша включил зажигание. — Всякая правда доходит, Лия, просто с задержкой. Иди. Ты замёрзла, у тебя лицо белое.

Он уехал в снег колесом, на развороте задел бордюр и уехал.

В воскресенье Лия отмыла плитку, постирала шторы и не слышала телефона. Мира позвонила в понедельник утром, из своей машины, потому что стояла в пробке на Никольской, и голос у неё был не такой, как всегда, — ровный, тонкий, будто его натянули.

— Лилёк, — сказала она. — Привет.

— Привет.

— Слушай. Славка вчера вечером сказал, что ему надо подумать. Про свадьбу.

Лия села на табуретку в прихожей, где стояла снятая только что обувь.

— Как — подумать?

— Ну вот так. Сказал: Мир, я не готов. Я хочу подумать. Я его спросила: как это, у нас дата, у нас платье, у нас всё. А он мне: Мира, извини, я не могу пока. И уехал к себе.

— К себе?

— У него же есть квартира, — сказала Мира, и в этом «у него же» было столько спокойной уверенности, что у Лии занемело за грудиной. — Он там живёт, когда много работы. Ты не знала?

За окном дворник снова скрёб лопатой железо, как в четверг, как в прошлый четверг, и звук шёл и шёл, длинный, ровный, без конца.

— Лия? Ты не знаешь, что с ним?

— Нет.

— Он с тобой не говорил?

Лия посмотрела на свои носки, на ботинки, на пакет с мусором, который она так и не вынесла со вчерашнего вечера.

— Нет, — сказала она. — Он со мной не говорил.

На работе Лия просидела до шести, глядя в таблицу и не видя в ней ни одной цифры. Мира позвонила ещё дважды: первый раз спросить, не знает ли Лия, к кому Слава мог поехать «просто проветриться», второй — поплакать в трубку, и Лия говорила с ней, стоя в коридоре у окна, и говорила правильные слова, и после каждого слова ей хотелось выйти на улицу и не возвращаться.

Адрес она знала. Он показывал дом один раз, в мае, когда вёз её к себе ночевать и в последний момент повернул к ней: «Вон тот, с аркой. Там у меня срач, я туда никого не зову». Тогда она обиделась и не сказала. Потом привыкла.

Дом был с аркой, и арку перегородили шлаббаумом. Лия обошла двор, нашла третий подъезд, набрала квартиру наугад — из кнопок светилась одна, четырнадцать. Домофон щёлкнул на втором гудке.

Лифт был с деревянными панелями, как в её детстве. Она поднялась и оказалась в коридоре, где лампочка мигала через раз, и он стоял в дверях в домашних штанах и футболке, босиком, и смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого не ждали, но почему-то сразу поняли, зачем он пришёл.

Квартира была почти пустая. Комната с диваном, столом и двумя мониторами, кухня с одной чашкой на сушилке, в коридоре — стопка коробок, заклеенных скотчем и ни разу не вскрытых. На стене висела карта мира без рамки, с двумя воткнутыми булавками: он говорил, что отмечает, куда хочет. Пахло пылью и холодным чаем.

На холодильнике из-под магнита торчал уголок открытки. Лия узнала её сразу — Смоленск, кремль на закате, она привезла её ему в июне, потому что он нигде не был и всё время спрашивал, как у неё там. Она смотрела на этот уголок ровно секунду и внушила себе, что не видела.

— Ты пришла, — сказал он.

— Не закрывай дверь, я на минуту.

— Проходи. У меня не прибрано.

— Я вижу.

Она осталась стоять в коридоре, у коробок. Он тоже не сел и не предложил сесть; он прислонился к косяку кухни и ждал.

— Ты скажешь ей, — начала Лия. — Не через месяц и не когда решишь. Сегодня, завтра. Ты не можешь держать её в этом.

— А ты меня пришла за этим просить?

— Да. За этим.

— Зачем тебе? — спросил он спокойно. — Если я женюсь на ней, я в её жизни и останусь. Ты этого хочешь?

Лия положила руку на коробку, чтобы держать спину ровной.

— Я хочу, чтобы вы разобрались в этом между собой. Я тут лишняя. Ты сам сделал так, что я тут лишняя.

— Я не могу жениться, — сказал он.

— Почему?

— Ты знаешь почему.

— Нет.

— Знаешь.

Он отошёл от косяка и сделал шаг к ней, но не близко, на половину коридора, где мигала лампа и от коробок пахло картоном.

— Я два месяца тебя блокировал, — сказал он. — Я не отвечал на твои звонки, я не читал твоих сообщений, я себе говорил, что ты меня достала, что ты меня ревностью своей достала. А потом я познакомился с Мирой и решил, что всё, начинается нормальная жизнь. Так вот, я соврал сам себе. Я не забыл тебя. Я женился бы, если бы тебя не было. Тебя нет — и её нет.

— Остановись.

— Я тебе не предлагаю ничего. Я объясняю.

Лампочка погасла и зажглась снова, и в этой темноте на секунду Лия не видела его лица, только слышала дыхание.

— Тогда так, — сказала она, когда свет вернулся. — Ты не скажешь ей — скажу я. Но я скажу не для тебя и не из-за тебя. Я скажу, потому что у неё есть голова на плечах, и она ею пользуется, и она не заслужила того, что вы оба устроили.

— Скажи, — проговорил он. — Ты думаешь, она тебе поверит?

— Не знаю.

— И я не знаю, — сказал он. — Поэтому я пока молчу.

Лия пошла к двери, но обернулась на пороге. Она сама не собиралась этого говорить, это вышло без неё:

— Ты никогда меня сюда не звал.

— Звал бы. Тебе было бы тут плохо.

— Мне и там было плохо.

Она вышла на площадку и услышала, как щёлкнул замок, тихо, без броска, как он умел. Спускаясь, она набрала Аркашу и сказала в трубку только адрес. Он не спросил ни «что», ни «зачем», ответил: «Понял, буду через пятнадцать» — и всё.

Она стояла у шлагбаума, у той самой арки, под фонарём, из которого сыпался снег, и считала машины. Аркаша приехал раньше и не стал объезжать двор, остановился прямо на повороте и включил аварийку.

Он стоял на аварийке, поворотник щёлкал, и свет мигал по арке. Лия села, закрыла дверь, и он сразу включил печку на всё, чего у неё за две минуты на улице не было.

— Ну, — сказал он.

Она рассказала: про дом, про одну чашку, про коробки, которые он не распаковал с лета, про открытку из Смоленска под магнитом. Про то, что он сказал: «Я женился бы, если бы тебя не было». Про то, что он не скажет Мире, потому что боится, что Мира не поверит. Аркаша слушал, глядя перед собой, держа руки на руле так, будто ещё ехал.

Потом он отъехал от подъезда, сделал круг по двору и встал у гаражей, где не было никого и не горел фонарь.

— Дай руки, — сказал он.

— Зачем?

— Дай.

Он взял её ладони в свои и стал растирать, крепко, до боли, как растирают только что с мороза. У него были шершавые пальцы, в мозолях от инструмента, и он дышал ей на руки, и Лия сидела и смотрела на его склонённую голову. Она в первый раз держала его руки и не убирала.

— Ты его ещё любишь? — спросил он в её ладони.

— Я не знаю. Я не хочу про это думать.

— Подумай. Полчаса можно, никто не видит.

— А ты?

— А я давно подумал, — сказал он. — Мне легче.

Он разжал руки, вернул их ей, как вещи, и выпрямился.

— Я завтра иду к Мире, — сказала Лия. — Расскажу всё. Пусть она меня выгонит, пусть что хочет.

— Она не выгонит.

— Тем хуже.

Аркаша потянулся к зажиганию, но телефон у Лии в кармане завибрировал, и она вытащила его: Мира, второй раз за час. Лия посмотрела на Аркашу, он не отвёл глаз, и она ответила.

— Лилёк, — Мира говорила быстро, глотая, как будто шла и говорила одновременно. — Лилёк, приезжай ко мне. Прямо сейчас. Он позвонил. Он хочет приехать поговорить, он сам позвонил, я не звала.

— Когда?

— Через полчаса. Я не могу одна, Лилёк, я тут с ума схожу. Возьми Аркашу, приедьте оба, мне надо, чтобы кто-то был рядом, я не могу с ним наедине, я расплачусь сразу и всё испорчу.

Лия смотрела в лобовое стекло. Там, за гаражами, лежал пустой двор, метель шла наискось, и в её свете дом напротив был похож на размытую фотографию.

— Мы приедем, — сказала она.

Положила трубку, назвала адрес. Аркаша ничего не спросил, развернулся через засыпанный выезд и поехал на выезд из города.

Мира снимала в двухкомнатной на четвёртом, в кирпичной девятиэтажке за рынком, там, где у подъезда всегда стояла лужа от теплотрассы. Двор был маленький, шесть машин, освещённая детская площадка под сеткой. Седьмая стояла у самого подъезда, серая, с чистыми номерами; её Лия узнала бы из тысячи и с закрытыми глазами, и Аркаша узнал, потому что сбавил скорость и встал на свободном месте, метрах в тридцати.

— Опоздали на десять минут, — сказал он. — Он уже там.

— Он приехал первым.

— Приехал первым, — согласился Аркаша. — Ты уверена?

— Я не уверена, — сказала Лия и взялась за ручку. — Но я выйду.

Он выключил двигатель. Света в её окнах не было видно — четвёртый этаж закрывали тополя, посаженные ещё при доме, все в снегу, широкие, как нарисованные.

— Я внизу, — сказал Аркаша. — Сяду на лавку или в машине буду. Как скажешь.

Лия кивнула и открыла дверь. В лицо ударил мороз, и она на секунду задержалась на пороге машины, держась за край крыши.

Подъезд был с кодовым замком, который не работал, и дверь была просто приоткрыта. На лестнице пахло мокрой шерстью. Лия шла первой, Аркаша за ней, и у квартиры на четвёртом она остановилась, потому что за дверью было слышно, как кто-то говорит ровным голосом, а Мира отвечает коротко, не своим.

Дверь она открыла сама. Халат, волосы собраны на скорую руку и уже распадаются, лицо опухшее, губы стёртые.

— Приехали, — сказала она. — Спасибо.

Мира обняла Лию и держала её так долго, что Аркаша успел разуться и поставить ботинки у стены, рядом с двумя другими.

В комнате горела одна лампа в углу. На столе лежала папка с бумагами, распечатанные листы меню банкета, ручка, чашка с остывшим чаем и коробка печенья, которую она не открыла. Там же висело платье, накрытое простынёй, — его привезли сюда из салона и повесили на карниз, потому что шкафа такого размера у Миры не было.

Слава сидел в кресле у балкона, в той же серой куртке, не снятой. Увидев Аркашу, он встал.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — сказал Аркаша и сел на диван, оставив Лие место посередине.

Мира прошла по комнате и остановилась, не зная, куда деть руки. У неё на ногтях ещё держался розовый лак, местами облупившийся.

— Ладно, — сказала она. — Давайте при всех. Мне теперь при всех даже лучше. Слава, у нас с тобой платье, дата, ресторан, у нас гости разосланы. Ты приезжаешь и говоришь «я не готов». Я тебя слушаю. Объясни.

Слава смотрел на папку с меню. Костяшка большого пальца у него ходила по подлокотнику кресла, туда-сюда, туда-сюда.

— Я тебе это уже говорил.

— Ты говорил в трубку. Скажи здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.